

Внешнеполитические аспекты судебного процесса «Промпартии» 1930 г. в освещении центральной советской печати¹

Цель исследования состоит в выявлении внешнеполитических установок сталинского режима, транслировавшихся в идеолого-пропагандистской кампании показательного судебного процесса «Промпартии» 1930 г. Структура и содержание пропагандистских установок прослежена на материалах центральной государственной и партийной периодики – газет «Известия» и «Правда» – с применением методики частотного контент-анализа.

Ключевые слова: судебный политический процесс, идеолого-пропагандистское обеспечение, «скрытые» цели, внешняя политика.

Судебный политический процесс по «делу „Промпартии“» – крупная политическая акция 25 ноября – 7 декабря 1930 г. Показательный суд над мифической «Промпартией» был полностью срежиссированным, а его проведение сопровождалось широкой идеолого-пропагандистской кампанией и массовыми демонстрациями. Квинтэссенцией кампании было обвинение, вынесенное ряду «буржуазных» инженеров, якобы занимавшихся «вредительством» и готовивших под началом французских правительственных кругов «военную интервенцию» против Советского Союза². Тезис об обострении классовой борьбы в условиях нарастающего кризиса капитализма, сформулированный И.В. Сталиным в 1928 г., был истоком идеологического обоснования «вредительства», которое к концу 1930 г. стало связываться с «интервенционистскими планами буржуазных держав» и «разоблачением» отдельных партийных лидеров.

Проведение судебного процесса «Промпартии» было продиктовано комплексом взаимосвязанных внутривнутриполитических и внешнеполитических мотивов, которыми руководствовался режим. В 1930 г. появился ряд новых качественных моментов, обусловленных мировым экономическим кризисом, обострением торгово-экономических конфликтов и противоречий, резким ухудшением внутренней социально-экономической ситуации в связи с принудительной коллективизацией, сужением внутреннего потребления и т.д. Наложение двух типов кризисов друг на друга потребовало прибегнуть к проверенному мобилизационному механизму для сплочения общества.

Пропагандистская кампания в советских печатных изданиях призвана была обеспечить консолидационную установку о «необходимости укрепления успешно развивающегося социалистического народного хозяйства» в противо-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-01-00101а.

² *Красильников С.А.* Советские судебные политические процессы в 1920 – 1930-е гг.: причины, организация, последствия. Новосибирск, 2014. С. 105.

вес «всеобъемлющему кризису мирового капитализма», который потенциально был чреват «интервенцией» против СССР. Фактор внешней угрозы постоянно присутствовал как фон и контекст кампании, в ходе которой использовался стереотипный пропагандистский образ «страны Советов как осажденной крепости». Одновременно с этим требовалось сформировать в массах представление о том, что за рубежом мир не един, в нем есть не только «враги», но и «союзники» СССР, есть и колеблющиеся, нейтральные слои, группы.

Целью исследования является определение с помощью методики частотного контент-анализа неявно выраженного внешнеполитического аспекта идеолого-пропагандистской кампании, его фиксация и последующая интерпретация. Анализ центральных газет «Правда» и «Известия» позволит углубить понимание целей сталинского режима при проведении судебного процесса над «Промпартией».

В современной историографии идеолого-пропагандистские кампании судебных политических процессов 1920-х – 1930-х годов плодотворно разрабатываются. Исследователь С.Н. Ушакова ввела типологию пропагандистских кампаний, выделив три их типа – имевшие в своей основе фактор внешней угрозы, дискредитирующие «внутренних врагов» и проводящие позитивную мобилизацию³. Если оценивать идеолого-пропагандистскую кампанию судебного процесса «Промпартии» с точки зрения вышеприведенной типологии, то следует констатировать наличие и сочетание в ней всех трех компонентов – и гиперболизированный фактор военной угрозы, и нацеленность на дискредитацию «внутреннего врага», и устойчивое распространение мифа об «успехах социализма».

Особенный интерес исследователей сосредоточен на изучении формирования советской пропагандой образа «врага», который широко транслировался и внедрялся в массовое сознание. Историками применяется системный и междисциплинарный подходы, позволяющие показать роль образа в системе советской социальной мобилизации⁴. В частности, С.В. Шарапов проанализировал образ «вредителя», транслировавшийся в пропагандистской кампании вокруг Шахтинского процесса 1928 года⁵. Этот образ оставался актуальным и для пропагандистской кампании по делу «Промпартии» 1930 года.

---

³ Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009; Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 47–48.

⁴ Арнауттов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.). Новосибирск, 2012.

⁵ Шарапов С. В. Динамика развертывания пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» в газете «Известия» (март – август 1928 г.) // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 60–67.

Проблематика восприятия советских судебных процессов за рубежом и роль международного фактора в их проведении также привлекала внимание исследователей⁶. Установлено, что каждый показательный судебный процесс использовался советской властью для разрешения внешнеполитических противоречий, и для каждого отдельного показательного суда выбирался свой «оппонент» на международной арене. При этом попытка проследить трансляцию внешнеполитических установок в идеолого-пропагандистской кампании применительно к судебному процессу «Промпартии» 1930 г. предпринимается впервые.

Советская пропаганда являлась своеобразным «монополистом», диктующим не только ход судебного процесса, но и «нужную» реакцию на него, в том числе с помощью манипуляций с сообщениями зарубежных СМИ.

Для контент-анализа были взяты аналитические обзоры СМИ, опубликованные в «Известиях» и «Правде». Обзоры иностранной прессы в центральной партийно-советской печати были направленные одновременно на внутреннюю советскую и зарубежную аудиторию. Они распространялись ТАСС. Ввиду значительной информационной закрытости СССР для иностранных агентств и изданий, немалая часть из них вынужденно пользовалась советскими источниками информации о процессе «Промпартии», транслируя тем самым имеющиеся в них установки.

Проанализированы обзоры с откликами иностранной печати на судебный процесс, где указывались названия изданий. Подсчитывалось количество упоминаний зарубежных изданий в советских газетах «Известия» и «Правда» с учетом шкалы оценок судебного процесса (негативные, положительные, нейтральные, игнорирующие) и политической направленности того или иного зарубежного издания (коммунистические, социал-демократические, ультраправые, «буржуазные»). Эпитетом «буржуазный» советская пропаганда маркировала зарубежные издания консервативного толка, которые, как правило, являлись проправительственными, а также и либеральные органы печати. От «буржуазных», которые были слиты воедино, отличались фашистские, социал-демократические и коммунистические издания. Из зарубежной коммунистической печати советская пропаганда транслировала, как правило, немецкую газету «Роте Фане» и французскую «Юманите». Такая позиция, как «игнорирующие», вводилась советской пропагандой для обозначения изданий, которые обходили суд над «Промпартией» молчанием. Тем самым подчеркивалось «недружественное» отношение этих стран к действиям СССР.

Разделение всех оценок на негативные, нейтральные и позитивные ус-

---

⁶ См.: Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 66–74; Савин А.И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 85–93.

ловно. Если коммунистическая зарубежная пресса давала оценки судебного процесса в однозначно позитивном ключе, то для «буржуазных» иностранных изданий «позитивными» представлялись просто рациональные оценки, не содержавшие острой критики действий СССР. Для разграничения «позитивных» и «негативных» оценок судебного процесса советской пропагандой вводилась еще одна позиция – «нейтральные». Через эту категорию советская сторона транслировала иностранные издания, помещавшие на своих страницах какую-либо информацию о судебном процессе без широкого комментирования вынесения оценок. Позиции социал-демократических и части «буржуазных» иностранных изданий, объединенные в таблице в одну колонку, следует маркировать как резко негативные, игнорирующих – как сдержанно негативные. Нижеприводимая таблица содержит количественно-качественное описание того, как презентовали зарубежные оценки «Известия» и «Правда».

Таблица 1

Спектр оценок судебного процесса «Промпартии» в зарубежных изданиях, приведенных в обзорах прессы в газетах «Известия» и «Правда» с 25 ноября по 10 декабря 1930 г.*

	Позитивные		Нейтральные			Негативные		Игнорирующие	
	коммунистические	«буржуазные»	«буржуазные»	социал-демократические	ультраправые	«буржуазные»	социал-демократические	«буржуазные»	социал-демократические
«Известия»	32 (25%)	35 (27%)	11 (9%)	1 (1%)	1 (1%)	29 (23%)	6 (5%)	6 (5%)	5 (4%)
<i>Итого</i>	67 (52%)		13 (11%)			35 (28%)		11 (9%)	
«Правда»	33 (42%)	12 (16)	3 (4%)	0	1 (1%)	18 (23%)	5 (7%)	3 (4%)	2 (3%)
<i>Итого</i>	45 (58%)		4 (5%)			23 (30%)		5 (7%)	

* Единица счета – упоминание издания.

Контент-анализ показал, что советская печать помещала примерно равное количество позитивных и негативных оценок судебного процесса (соответственно, 25 % и 23 % в «Известиях»; 42 % и 23 % в «Правде»). В целом, это соответствовало духу советской пропаганды, выстраивавшей бинарные позиции и создававшей двумерную картину мира.

При этом интересно, что советская пресса помещала значительное количество положительных откликов на судебный процесс от зарубежных «буржуазных» изданий (27 % в «Известиях» и 16 % в «Правде»). Особенно рельефно это проявляется в газете «Известия», где количество положительных откликов от «буржуазных» изданий (27 %) даже превосходит число положительных оценок из изданий коммунистических (25 %). То есть советская пропаганда навязывала мифическое представление о поддержке действий СССР «буржуазными»

западными кругами. Помещаемые в советской печати позитивные оценки в совокупности количественно превосходят негативные оценки (52 % против 28 % в «Известиях»; 58 % против 30 % в «Правде»). Даже в совокупности с позицией «игнорирующие» (9 % в «Известиях» и 7 % в «Правде»), которая имела сдержанно негативный оттенок, количество помещаемых обзоров с негативными оценками суда не превосходит число положительных откликов. Так, советская пропаганда искусственно создавала видимость поддержки своих действий не только коммунистическими кругами, но также либеральными и даже правыми.

Преподносимая советской пропагандой «поддержка» политики советской власти за рубежом на деле таковой не являлось. На самом деле консервативные и либеральные иностранные издания пытались оценивать судебный процесс и его причины рационально. Оценки давались исходя из анализа международной обстановки, поскольку советской пропагандой были запущены громкие обвинения в подготовке интервенции Францией. Например, либеральная «Кёльнише Цайтунг» констатировала: «Это – горькая правда, что в Европе существуют силы, которые беспрестанно являются опасностью для мира»⁷. Или же заявление консервативной «Крейцейтунг», перепубликованное в «Известиях»: «... нынешнее английское правительство стоит вдали от интервенционистских планов. Трудно, однако, отрицать, что такие французские деятели, как Пуанкаре и Бриан, не говоря уже о членах французского генерального штаба, весьма интересуются подобными планами»⁸. Схожие трактовки давали такие американские либеральные издания, как «Нью Репаблик», «Пэблик Лэджер», а также умеренная германская газета «Дойче Цайтунг», либеральная «Дойче Фольксвирт», правая «Дойче Тагесцайтунг», «буржуазные» итальянские «Иль Корьере» и «Трибуна», английская консервативная «Сандей Таймс» и краковская «Курьер Иллюстрирует».

С наибольшим вниманием советская пропаганда относилась к реакции немецких «буржуазных» изданий. Сообщения из них преобладали количественно и часто обширно комментировались в советской печати. По всей видимости, СССР адресовал разоблачение французских «интервенционистских» планов именно Германии, играя на противоречиях держав и стремясь не допустить их сближения. Антифранцузские настроения в Германии, вызванные «версальской системой», были благоприятной почвой для распространения мифа о «французском империализме». Конечно, нельзя абсолютизировать данный фактор. Судебный процесс «Промпартии» вызывал недоверие и резко негативные оценки западных правительственных кругов и общественности. Однако антифранцузские настроения в Германии всё же имели место. К примеру, уже упомянутая либеральная «Кельнише цайтунг» после известия о приговоре писала, что «эту драму можно рассматривать как угодно, но только не как маневр. Московская драма вполне убедительна»⁹.

⁷ Известия. 1930. 9 декабря.

⁸ Известия. 1930. 6 декабря.

⁹ Известия. 1930. 11 декабря.

При разыгрывании «интервенционистской карты» объектом нападок был выбран бывший Президент Франции Р. Пуанкаре. Пуанкаре являлся сторонником войны против Германии, дважды посещал «старую» Россию для поддержания военно-стратегических связей, поэтому советская пропаганда вряд ли могла найти фигуру более подходящую для данной кампании. Между тем, к концу 1930 г. политическая карьера бывшего французского президента фактически завершилась, активного участия в политике он уже не принимал так же, как и А. Бриан, обвинявшийся вместе с Пуанкаре «в подготовке военной интервенции против СССР». Таким образом, советская пропаганда активно использовала стереотипы немецкого и французского массового сознания периода Первой мировой войны.

Одной из целей показательного судебного процесса являлась попытка усилить влияние на «левые» западные круги, дискредитировав своих основных политических конкурентов за рубежом – социал-демократов. Отдельные, как правило, остро критичные, оценки в адрес социал-демократов начали появляться в статьях советских центральных изданий 1–2 декабря 1930 г., когда пропагандистская кампания, после некоторого спада, вновь набирала обороты. Социал-демократов обвиняли в связях со всевозможными «буржуазными элементами» и «пособниками интервенции». При этом активно использовалось понятие «социал-фашисты», запущенное И.В. Сталиным в 1928 г.

Следующий аспект пропагандистской кампании заключался в официально декларируемом лозунге о «международной солидарности трудящихся». Как правило, в печати он передавался формулировкой «защита СССР мировым пролетариатом», «трудящиеся всех стран готовы встать на защиту СССР» и употреблялся в контексте консолидации пролетариата, его противостояния империализму. Однако данный лозунг использовался не только в «оборонительном», но и в «наступательном» контексте ожидаемой «победы социализма в мировом масштабе»¹⁰, «борьбы против агрессивного французского империализма»¹¹. Ключевой для пропагандистской кампании стала статья М. Горького «К рабочим и крестьянам»¹², переопубликованная в большинстве советских и многих зарубежных изданиях. Известно, что поправки в нее вносил И.В. Сталин. Написанная в антимилитаристском духе и адресованная зарубежному пролетариату, статья призывала рабочих и крестьян западных стран протестовать против войны, «требовать от своих правительств, чтобы они выгнали русских и эмигрантов и капиталистов, которые хотели бы продать рабочих и крестьян Союза Советов вашим (английским и французским – *А.М.*) капиталистам».

Так, провозглашаемая «защита СССР международным пролетариатом трудящихся СССР» была направлена на активизацию рабочего движения под эгидой коммунистических партий и подразумевала протесты рабочих Запада против своих правительств.

¹⁰ После приговора // Правда. 1930. 10 декабря.

¹¹ Кризис во Франции и подготовка интервенции против СССР // Правда. 1930. 24 ноября.

¹² Горький М. К рабочим и крестьянам // Правда. 1930. 25 ноября.

Таким образом, в попытках искусственно создать картину всеобщей поддержки показательного суда над «Промпартией» (не только коммунистическими, но и правыми зарубежными общественно-политическими кругами) заключалось основное «скрытое» внешнеполитическое устремление советской пропаганды. Оно в некоторой степени смягчало подавляющее преобладание негативных оценок, исходивших от руководства и общественности большинства западных стран по отношению к судебному процессу над «Промпартией». Игра на француско-немецких противоречиях была рассчитана на подъем не только коммунистического, но и националистического движения в Германии. Данная цель сталинского режима, безусловно, находилась в тени общей мобилизационной направленности пропаганды, открыто ею не провозглашалась. Кроме того, процесс использовался для дискредитации социал-демократического движения, препятствовавшего росту влияния и авторитета коммунистов за рубежом. Подталкивание компартий западных стран к активизации борьбы и протестных действий против правительств своих стран также было частью теневого аспекта большевистской стратегии. Таким образом, часть актуальных внешнеполитических устремлений советского режима не афишировалась, но находила не прямое отражение в печатной пропаганде.

Библиография

- Арнаутов Н.Б.* Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.). Новосибирск, 2012. 252 с.
- Дюллен С.* Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процесс в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 66–74.
- Красильников С.А.* Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия. Новосибирск, 2014. 300 с.
- Савин А.И.* «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 85–93.
- Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009. 242 с.
- Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск, 2010. С. 45–50.
- Шарапов С.В.* Динамика развертывания пропагандистской кампании вокруг Шахтинского дела» в газете «Известия» (март – август 1928 г.) // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2011. С. 60–67.